

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ СОВЕТ Д.053.05.75
ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ ПРИ МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

РАМАТОВ Жуманияз

ГИПОТЕЗА И ПРОГНОЗ В СОЦИАЛЬНОМ
ПОЗНАНИИ

Специальность — 09.00.01 — диалектика и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва—1993

Работа выполнена на кафедре философ, Ташкентского институте инженеров ирригации сельского хозяйства.

Официальные оппоненты: доктор философских наук
профессор Коршунов А. М.

доктор философских наук,
профессор Метлов В. И.

доктор философских наук,
профессор Ильин В. В.

Ведущая организация - Институт философии РАН

Защита состоится «_____» _____ 1993 г. в «_____» часов
На заседании специализированного совета Д.053.05.75 по философским наукам
при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова по
адресу: 117234, Москва, Ленинские горы, МГУ, II корпус гуманитарных
факультетов, ауд. № 6.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки II-го
корпуса гуманитарных факультетов МГУ им. М.В.Ломоносова.

Автореферат разослан «_____» _____ 1993 года.

Ученый секретарь
специализированного совета

Воронина Т. П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется, в первую очередь, спецификой переживаемого нашим обществом периода, заключающейся в беспрецедентное и масштабы трансформационных процессов, охвативших все республики бывшего СССР. Эти процессы, начавшись как перестройка командно-административной модели социализма, постепенно приобрели характер продвижения к рыночной экономике, в политическом плане вылились через демократизацию в движение к суверенизации и гражданскому обществу, в сфере идеологий привели к плюрализму, возрождений национального самосознания. Характерной особенностью этих процессов выступает нарастание темпов преобразований, быстрые сдвиги во всех сферах социальной реальности, в сжатые исторические сроки происходящее качественное изменение общества.

Изменения, происходящие в обществе, вызывают потребность выработки «механизма» реагирования, позволяющего учитывать основные этапы, периоды и фазы предстоящих перемен, улавливать ведущие тенденции, ведет перспективы и предугадывать возможные результаты.

Такой «механизм» может быть создан только на прочной методологической базе, позволяющей разрабатывать прогнозы предстоящих изменений основных компонентов и структур обновляющегося общества.

Социальное познание нуждается в преодолении допущенного в силу известных условий отрыва от практики, для чего необходимо усиление его прогностической, ориентирующей функции, что невозможно без развития логики и методологии познания на собственно социальном материале - экономическом, правовом, политической, культурологическом, этнографическом и т.д.

Совершенствование методологии социального познания, которое предполагает развитие гипотетико-дедуктивных и прогностических методик исследования, есть обязательное условие развития всего комплекса гуманитарного знания, их оптимального использования в практике социальных преобразований.

Разработка гипотез и научно обоснованных прогнозов - надежные методологические средства познания как общества в целом, так и его отдельных сфер - экономики, политики, культуры, быта. С другой стороны, обобщение новейших достижений обществоведения является фактором совершенствования методологии социального познания, основывающейся на законах прогностики.

Явно заметен интерес к теоретико-методологическим проблемам прогностических исследований, от решения которых вдут повышения точности, дальности и надежности прогнозов, для обеспечения чего теперь можно обратиться к использованию прежде нигилистически отрицавшихся достижений западных специалистов-футурологов.

Стоит самокритично признать, что футурологические западные концепции выполняли не только пропагандистки - апологетическую роль, но и

теоретическо-познавательную функцию, обладали эвристическим потенциалом. И этот потенциал может быть использован, если в нем суметь вычленить позитивные элементы, которые способны дать адекватное отражение (а они и создавались для этого) происходящих общественных перемен в их общеметодологической и социально-философской интерпретации.

Сравнение различных методик и моделей прогнозирования поможет выявлению оптимальных методов построения социальных гипотез, опирающихся не на догматизированный марксизм, а на прочный фундамент реальных фактов, на результаты логико-методологического и гносеологического анализа социальных процессов.

Изучение проблемы гипотетико-дедуктивного построения социальной теории и основывающейся на ней прогнозирования актуализируется тем обстоятельством, что суверенитет и независимость Республики Узбекистан требуют обоснования в выборе альтернатив самостоятельного развития, в определении конкретных путей вступления в мировой цивилизационный процесс, что невозможно без использования общих принципов научного предвидения, объективно обоснованных прогнозов.

Между тем, невзирая на увеличение числа работ, посвященных методологическим вопросам социального познания, специальной литературы по особенностям прогнозирования социальных процессов, общепринятой концепции социального прогнозирования пока не создано. Главной причиной этого можно считать догматизацию обществознания; считалось, что принципиальный социальный прогноз будущего выработан классиками марксизма.

Необходимость преодоления догматизма еще более актуализирует проблемы повышения эффективности социального познания, выявления эвристических возможностей прогнозирования, отработки обоснованных принципов социальной прогностики. Они приобретают столь актуальное значение в силу того, что теперь значительно возрастает роль теоретической обоснованности решения практических социальных задач.

Содержательная связь, прослеживаемая между социальным прогнозированием и формулированием гипотез, опирающихся на объективные законы развития социума, имеет актуальное значение для раскрытия внутреннего богатства социальной диалектики, система категорий, принципов и законов которой образует как логическую структуру философского знания, так и методологический инструментарий, позволяющий адекватно отражать не только природу, но и жизнь общества во всей ее динамичности, противоречивости, многообразии.

Степень разработанности проблемы. В советской и зарубежной философской и социологической литературе имеется глубокая традиция исследования прогностической функции науки, роли гипотезы в естественнонаучной и обществоведческой сферах познания.

Условно всю литературу, относящуюся к теме, можно разделить на три широких блока. К первому - логико-методологическому - относятся работы ученых, в которых исследуются сущность гипотетического знания, принципы

построения гипотез, показываются их эвристические возможности, исследуются условия доказательства, правомерности и истинности. В этом направлении не потеряли значения труды В.Ф.Асмуса, Д.П.Горского, Р.З.Джидждаа, М.И.Каринского, В.И.Кириллова, Н.И.Кондакова, П.В.Копнина, Е.Я.Режабека и др.

Для формально-логического подхода характерно понимание гипотезы как умозаключения особого рода, как способа вывода. А для логико-методологического - как не простого логического построения, а специфического способа движения познания. В частности, В.Ф.Асмусу и Д.П.Горскому принадлежит определение гипотезы как процесса мысли, состоящего "в построении предположения о причинах наблюдаемых явлений и доказательстве этого предположения"¹, которыми наиболее часто пользуются философы и представители других наук. Они в своей трактовке гипотезы прочно связывали ее с каузальностью объективного мира и действующими в нем закономерностями, обеспечивающими его упорядоченность.

Помимо формально-логической и логико-методологической интерпретации гипотезы есть ее психологическое и гносеологическое истолкование. В этом плане известны труды И.А.Васильева, Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, В.Л.Поплужного, Э.Д.Телегиной, О.К.Тихомирова, М.Г.Ярошевского по психологии и работы Л.Б.Баженова, В.Н.Карповича, В.С.Костелева, И.П.Меркулова, В.В.Налимова, В.Н.Пятанцына, Г.И.Рузавина, Н.Н.Францужовой, А.Л.Хилькевича, В.А.Штоффа, А.Т.Шумилина и других ученых по гносеологической сущности гипотезы. Обобщенно взгляда последних на гипотезу можно представить как некое утверждение, которое, во-первых, непосредственно или опосредованно относится к пока или в принципе ненаблюдаемым фактам, и, во-вторых, может быть уточнено или исправлено при наличии нового знания². Можно подчеркнуть, что в гносеологическом плане гипотеза «строится» на основе эмпирических данных, но по смыслу выводов выходит за них.

Второй блок литературных источников относится к общим проблемам прогнозирования. Здесь много внимания уделено вопросам взаимоотношения гипотезы, теории и прогноза, использованию социальных законов в процессе прогнозирования, концептуальному обоснованию возможности предвидения социальных изменений и т.д. Жадные, работающие в этой области, активно разрабатывают принципы построения прогнозов, систему критериев их достоверности, выявляют специфические отличия прогноза от предвидения и предсказаний, стремятся обрисовать объективную базу прогнозов в той или иной сфере освоения объективной реальности. Здесь приоритет за тезисом: «Где нет закона - нет научного прогноза». Непосредственно относящимися к теме исследования являются выводы, сделанные о понимании закона, на основании знания которого можно формулировать прогнозы: необходимо чтобы он позволял делать выводы "на основе известных случаев о случаях неизвестных", подпадающих под его объем, но не требуется, чтобы этот вывод

¹ Горский Д.П. Логика. - М.: Учпедгиз, 1954. С.117.

² Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон. - Новосибирск.: Наука, 1980. С.58.

представлял в то же время переход от "случая в прошлом (или настоящем) к случаям в будущем". В этой области широко известны работы В.Ф.Беркова, В.Г.Виноградова, С.И.Гончарука, И.Г.Герасимова, К.И.Ивановой, С.С.Камиловой, В.Н.Карповича, Н.В.Назарова, В.С.Никитченко, А.Г.Никитиной, Г.И.Рузавина, М.Н.Руткевича, Ж.Т.Туленова, И.Т.Фролова, В.Н.Ярской и др.¹ Немалый вклад в разработку данной проблематики внесли А.Пуанкаре, А.Бауэр, К.Поппер, Б.Рассел, Р.Велде, Р.Коллингвуд, Д.Уолш и другие зарубежные исследователи. Им принадлежит получившая теперь широкое распространение идея о научной и вненаучной формах прогнозирования, об их демаркационной линии, о сходстве и отличии.

К третьему блоку философских работ можно отнести исследования, посвященные социальному прогнозированию. Здесь заметный вклад в науку внесли Э.А.Араб-Оглы, И.В.Бестужев-Дада, А.М.Гендан, С.И.Гончарук, В.Ж.Келле, М.Я.Коважзон, В.В.Косолапов, М.Л.Леэгина, А.Рубцов, Т.М.Румянцева², иностранные ученые А.Тоффлер, У.Хевел, Дж.Нэбит, Дж.Саймон, Зб.Бжезинский, Ф.Фукуяма и др. Особенностью этого направления является участие в его разработке не только ученых-теоретиков, но и практиков-социологов. Например, только в США в последние года было сделано около сотни крупнейших прогнозов, в разработке которых принимали участие критикуемые нами в недавнем прошлом "футурологи", как, в частности, Г.Кан, Дж.Нэбит и др. Значимость этих прогнозов имеет не только практический, но и логико-методологический смысл показывающий разнообразие прогностических моделей и обеспечивающий выработку критериев их точности и достоверности. К достоинствам этих прогнозов следует отнести то, что они относятся не только к традиционному демократическому обществу (буржуазному), но и к реформирующемуся. При этом степень результативности по отношению к последнему оказалась не меньшей, чем отнесенная к прошлым антиподам.

В этой группе работ заслуживают отдельного выделения труда посвященные методологическим проблемам исторического познания, особенностям структуры исторических теорий, специфике исторической закономерности, на учете которой строится научное предвидение будущих

¹ Берков В.Ф. Структура и генезис научной проблемы. - Минск: БГУ, 1983; Виноградов В.Г. Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. - М.: Политиздат, 1972; Герасимов И.Г. Структура научная научного исследования. - М.: мысль, 1985; Камилова С.С. Научная проблема в свете марксистской гнесологии. - Ташкент: Фан, 1985; Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон. - Новосибирск: Наука, 1980; Назаров Н.В. Научная гипотеза и теория.

- Свердловск: Знание, 1983; Никитина А.Г. Диалектика взаимосвязи предвидения и гипотезы // Диалектика и научное познание. - Ташкент: Фан, 1979; Рузавин Г.И. Развитие теоретических форм познания в процессе научного исследования // Вопросы философии. 1980; Фролов И.Т. Жизнь и познание. - М.: Мисль, 1981; Ярская В.Н. Научное предвидение. - Саратов: Саратовский университет, 1980.

² Бестужев-Лада И.В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества. - М.: Наука, 1984; Его же Социальный прогноз и социальные нововведения // Социологические исследования. 1990. № 8; Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества: философские аспекты социального прогнозирования. - Красноярск; изд-во пединститута, 1970; Гендин А.М. Социальный прогноз: диалектика достоверности и вероятности // Философские науки. 1981. № 3; Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. - Киев, 1977; Лезгина М.Л. Детерминация прогнозирования'. - Л.: ЛГУ, 1983; Румянцева Т.М. Интервью с будущим. Методологические проблемы социального прогнозирования. - Л.: Лекиздат, 1971.

путей исторического развития.

В этой области успешно работают В.М.Вильчек, Г.М.Иванов, К.М.Кантор, В.Ж.Келле, М.Я.Ковальзон, И.Г.Козин, А.М.Коршунов, Э.Н.Лооне, Ю.А.Петров, А.И.Ракитов, А.И.Уваров, А.С.Уйбо, В.И.Шаповалов и др.¹

Список авторов и имеющихся методик прогнозирования, в том числе социального, можно продолжать. Но даже их краткое перечисление позволяет сделать вывод о незавершенности методологического анализа. С одной стороны, это вытекает из незаконченности самого развертывания социального процесса. История не останавливается и продолжает олицетворять себя в событиях, которые как вписываются в сделанные прогнозы, так и выходят за них. С другой стороны, только совершенствование математического обеспечения, например, позволяет давать большую степень вероятности прогнозированию. А ее достижение невозможно без дальнейшей разработки теории - гипотезирования и конкретизации прогностики, особенно социальной.

Требует дальнейшего уточнения логическое обоснование социальных законов, на которых только и возможно построение социальных прогнозов, конкретизации критериев истинности прогностического знания. Поэтому считать, что все проблемы, связанные с совершенствованием методологической базы социального познания, выявлением его прогностической функции, уже решены, было бы некорректным. Стремление найти ответы на нерешенные проблемы, дискутирующиеся вопросы и определить выбор темы исследования.

Цель исследования заключается в выяснении роли гипотезы и прогнозирования в развитии социального знания.

Реализация данной цели предполагает постановку и решение следующих конкретных задач исследования:

- выявить сущность гипотезы и ее потенциал в исследовании социальных явлений;
- обосновать значение социальных законов в наработке прогнозов;
- раскрыть прогностические функции социальных теорий;
- вскрыть сущность и механизм социального прогноза;
- определить взаимоотношение социального прогноза и утопии;
- сформулировать конкретные критерии истинности социального

¹ Вильчек В.М. Алгоритмы истории. философско-социологические этюды. - М.: Прометей, 1989; Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.А. Методологические проблемы исторического познания. - М.: Высшая школа, 1981; Кантор К.М. Два проекта Всемирной истории // Вопросы философии. 1990. № 2; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. - М.: Политиздат, 1981; Козин Н.Г. Познание и историческая наука. - Саратов: СГУ, 1986; Лооне Э.й. Современная философия истории. - Таллинн: Эсти_раамат, 1980; Ракитов А.И. Историческое познание. - М.: Политиздат, 1982; Уваров А.И. Философские и методологические проблемы исторического познания: научно-аналитический обзор. - М., 1982; Уйбо А.С. Теория и историческое познание. - Таллинн: Эсти_раамат, 1988; Коршунов А.М., Шаповалов В.ф. Творчество и отражение в историческом познании. - М.: МГУ, 1984.

прогноза, определяющие степень совпадения предполагавшегося и реально осуществившегося в развитии общества результата;

- обосновать становление новой стратегия социального прогнозирования;
- разработать систему оценок надежности социальных прогнозов и проектов;
- «раскрыть значение методологического обеспечения социально-экономического развития общества.

Методологические и теоретические источники исследования.

Достижение целей исследования и успешное решение поставленных задач возможно лишь на основе тесного единства социально-философского и логико-гносеологического подходов к изучению эвристических и прогностических возможностей гипотезы, особенно направленной на социальную реальность. Поэтому методологической основой диссертации является диалектико-материалистическая и логическая интерпретация, как социальных законов, так и строящихся на их базе прогнозов общественных изменений, характерных для динамики современных социально-экономических и духовных процессов.

Особое значение при анализе обсуждаемых в диссертации проблем имели важнейшие принципы материалистической диалектики

- развития, единства исторического и логического, объективности, всесторонности рассмотрения, конкретности истины, взаимосвязи абсолютной и относительной истины.

Анализ процедур построения социальных гипотез и выработки прогнозов требует как изучения их логической стороны, так и эмпирической реализации в действительности. Поэтому автор обратился к работам М.Н.Абдуллаевой, П.В.Алексеева, Л.Б.Баженова, В.С.Барулина, И.А.Бутенко, Д.П.Горского, К.И.Ивановой, В.В.Ильина, П.Н.Калошина, Б.Р.Каримова, А.М.Коршунова, А.Н.Ко-чергика, С.А.Лебедева, В.А.Лекторского, В.В.Мантатова, С.Т.Мелюхина, И.П.Меркулова, П.Е.Сивоконь, Ж.Т.Туленова, В.Г.Федотовой, В.С.Швырева, В.С.Черняка и многих других философов, логиков, психологов, историков науки, так или иначе занимавшихся исследуемой проблемой.

В работе есть обращение к трудам зарубежных ученых -Б.Рассела, А.Пуанкаре, К.Поппера, З.Бжезинского, Дж.Нэсбита, Дж.Саймона, Г.Кана, И.Лакатоеа, С.Тулмина, П.Фейерабенда и др.

Научная новизна диссертации. Результатами исследования, обладающими элементами новизны, являются:

- раскрыт эвристический потенциал гипотезы в изучении социальной действительности. Делается вывод, что в философско-социальном анализе гипотезы выделяются четыре основных подхода: формально-логический, психологический, методологический и гносеологический. Обосновывается, что гипотеза является не только формой получения нового знания, но и способом построения самой социальной теории;

- выявлена определяющая роль социальных законов, которым дана

логическая характеристика, в формулировке альтернативных прогнозов исторических изменений. Выдвигается, и обосновывается утверждение, что прогностическая возможность социального закона тем выше, чем полнее учтены исходные условия его функционирования;

- доказано, что любая теория, в том числе и социальная, стремится не только логически объяснить объект своего исследования, но и предсказать его возможные состояния. Путь к практике через предсказательную функцию у социальной теории существенно отличается от аналогичного в естествознании. Само предсказание в общественной теории приобретает регулятивный или прогностический смысл, чаще всего оформляясь в виде конкретных программ переустройства социальных отношений;

- вскрыты сущность и механизм социального прогноза, под которым понимается рациональное, выполненное в соответствии с определенными нормативами предсказание того, существование чего целиком относится к будущему. Поскольку наступающее будущее корректируется привходящими обстоятельствами, случайными факторами, знание о нем всегда будет гипотетичным, требующим уточнения, конкретизации;

- выявлено и проанализировано различие между социальным прогнозом и утопией. Оно заключается в их целевой ориентации. Прогноз ставит своей непосредственной целью определить круг реальных возможностей развития общества (или какой-то его системы) на той или иной стадии прогресса, и обосновать вероятность каждой из данных возможностей. При этом считается, что прогноз оказывается тем более достоверным и эффективным, чем большей мере он опирается на объективные законы. Утопия, напротив, рисует образ не возможного и вероятного, а желаемого будущего, т.е. реализует не научную, а ценностно-ориентированную форму предвидения;

- обосновано положение о том, что при определении истинности прогностического знания необходим учет двух обстоятельств. Это знание может претендовать на истинное, если оно, во-первых, правильно отражает текущие тенденции, условия их возможного закономерного изменения и сохранения. Но этого соответствия может показаться недостаточно, если не будет произведен учет позиций конкретных социальных сил. Поэтому, во-вторых, истинность прогностического знания определяется и соответствием делаемых на основе него конкретных практических рекомендаций общечеловеческим моральным ценностям;

- доказана необходимость перехода от традиционной прогностики к новой стратегии социального прогнозирования, важными моментами которой являются: а) теоретическая ориентация на назревающие в процессах обновления социальные силы, на групповых и индивидуальных субъектов, формирующихся в кризисных ситуациях и жизненно заинтересованных в цивилизационном изменении общественного бытия; б) выход на уровень глобального прогнозирования - определение мегатенденций и их действия в наших условиях; в) изучение тенденций и построение трендов. При этом местные и региональные тенденции обязательно надо анализировать с учетом глобальных тенденций, оказывающих на них мощное влияние;

- на основе анализа конкретных социальных прогнозов, авторами которых были Зб.Бжезинский, А.Зиновьев, А.Янов, И.Клямкин и Г.Попов, разработана модель экспертной оценки социальных прогнозов и проектов. Ее существенной особенностью является акцент на способе, методологии построения прогноза, а не сам объект прогнозирования;

- обосновано положение о том, что обретение бывшими республиками СССР независимости и суверенитета резко обостряет интерес к выбору модели перспективного развития, построение которой делает необходимым разработку социальных проектов преобразования различных сфер общества. Конкретика подобных проектов может иметь в качестве методологической основы «технологическое» или долгосрочное прогнозирование, позволяющее активизировать социальное управление, без которого никакие социальные преобразования принципиально недостижимы.

Теоретическое и практическое значение работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в разработку проблемы методологического обеспечения эффективности социального прогнозирования.

Принципиальные позиции автора позволяют повысить степень вероятности исторического предвидения возможных результатов социального планирования, необходимого для выработки наиболее действенных способов и методов «нащупывания» путей в будущее, без чего невозможно обеспечить активизацию человеческого, а еще шире субъективного фактора, который только и может осуществить это будущее. Поэтому предложенные методики прогностики имеют не только абстрактно-теоретический смысл, но и социально-практическое значение.

Работа может принести практический эффект в определении наиболее перспективных направлений обеспечения социальных сдвигов в политико-экономической ситуации в республике, подсказать возможные пути их научного обеспечения, что имеет немаловажное значение в условиях плюрализма мнений, концепций, альтернатив.

Материалы работы могут быть использованы в создании и обосновании общей теории социальной прогностики, в ее философско-историческом, социально-политическом и логико-методологическом обосновании. Это может способствовать в отведении того обвинения в адрес отечественной философии, когда ей вменялось в упущение «схоластическое теоретизирование». Если она принципиально не в состоянии дать "прямое" решение частных, конкретных проблем, прерогатива профессионального рассмотрения которых принадлежит специальным наукам, то она вполне правомочна осуществить критико-рефлексивный анализ современных форм научного знания, на который может опираться социальное прогнозирование.

Полученные результаты могут быть использованы как при чтении курса философии по темам: "Диалектика и ее альтернативы. Концепция развития", "Проблема человека в философии", "Общество: основы философского анализа", "Общество как развивающаяся система", "Сознание и творчество", "Познание. Научное познание", "Культура и цивилизация", "Социальное прогнозирование и глобальные проблемы современности", так и при разработке спецкурсов по

проблемам логики и методологии науки для студентов и аспирантов. Выводы диссертации также могут быть использованы в практике социологических исследований, проводимых в области различных отраслей социального знания.

Апробация работы. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования нашли отражение в 27 публикациях автора, включающих монографию, коллективные сборники и учебное пособие, брошюры и статьи.

Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на международной научной конференции "Социальная теория и социальная практика" (Москва, 1992 г.); на двух Всесоюзных научно-теоретических конференциях "Диалектика и современное научное познание" (Ташкент, 1984, 1987 гг.); на Всесоюзной научно-теоретической конференции "Диалектические противоречия в общественном развитии и пути их разрешения" (Ташкент, 1990г.); на Всесоюзной научно-практической конференции "Научный прогресс и новое мышление" (Ташкент, 1991 г.); на Всесоюзной научной конференции "Философия. Социальное познание. Социальное управление" (Москва, 1991 г.); на четырех республиканских научно-теоретических конференциях молодых ученых и специалистов Узбекистана (ЦК ЖСМ Узбекистана, 1984, 1985, 1986, 1987 гг.); на ежегодных научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава ТИИШСХ (1980-1992 гг.).

Систематизированные материалы и результаты исследования в течение 12 лет включались автором в курс лекций по философии в Ташкентском институте инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы. Общи объем работы 292 страницы машинописного текста, из них 29 страниц библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, показана ее разработанность в литературе, сформулированы цель и задачи исследования, отмечена новизна подхода, указаны теоретически и практическая значимость изучения вопросов прогнозирования социальных преобразований.

В первой главе – «Гипотеза в структуре социального познания» - состоящей из трех параграфов, анализируется сущность научной гипотезы и ее эвристический потенциал, вскрывается специфика познания социальных явлений и возможность их предвидения, исследуется гипотетико-дедуктивный метод построения социальной теории.

В философской литературе термин «гипотеза» не имеет фиксированного общепотребительного значения, что объясняется тем, что познание есть процесс, в котором наличествует диалектическое единство «отражения» и «деятельности», сознательного и неосознанного, когнитивного и эмоционально-волевого, абсолютного и относительного. До 60-х годов гипотеза чаще всего трактовалась не как форма развития знания, а только как новизна умозаключения.

С развитием социальной практики и наметившимся расхождением между идеалом реальностью социализма возникла настоятельная потребность разработки логико-методологических проблем структуры, функционирования и развития объективного социального знания, что заставило по-новому взглянуть на роль гипотезы, особенно при изучении социума.

Сейчас в философско-содержательном анализе гипотезы можно выделить четыре основных подхода: формально-логический, психологический, методологический и гносеологический. Естественно, что эти подходы выделяется по специальным для каждого признака, что не исключает их "пересечения", совпадения в каких-то аспектах. Например, несмотря на то, что трактовка гипотезы в формально-логическом подходе будет отличаться от ее интерпретации в методологическом, но у них будет и нечто общее, поскольку методология знания опирается на логику, а последняя содержит представления о методах познания.

Исторически первой попыткой содержательного осмысления термина «гипотеза» можно считать ее трактовку в пределах формально-логического подхода, который фиксирует то общее, что свойственно всем видам и формам познания в той мере, в какой они используют абстрактное мышление. На основании этого подхода В.Ф.Асмусом гипотеза определялась как «предположение» о причине и закономерности порядка, который объясняет совокупность явлений, наблюдаемых в действительности или хорошо известных из истории¹. В дальнейшем Д.П.Горский и другие философы сузили это определение, подчеркивая, что гипотеза есть – «предположение о причине, обуславливающей соответствующие явления, об их необходимой связи»². Ограниченность такого подхода в том, что он не охватывает всех научных предположений» столь же важных как и предположение о причине.

В отличие от этого психологический подход не локализует сферу формирования и функционирования гипотезы уровнем понятийного мышления, а распространяет ее и на формы чувственности. Например, многие отечественные и зарубежные психологи признают, что процесс формирования восприятия тесно связан с предметной деятельностью субъекта и включает в себя моделирование не только наличного, но и будущего состояния объекта, т.е. предполагает выдвижение и проверку гипотез об объекте – «объект-гипотез»³.

Логико-методологический (эпистимологический) анализ науки ограничивает сферу использования гипотезы только одним видом познавательной деятельности: творческой деятельностью по производству нового знания. В таком подходе гипотеза интерпретируется как один из возможных вариантов теории⁴. Употребляемое в этом смысле понятие гипотеза выполняет четыре основных функции: 1) описательную, 2) объяснительную;

¹ Асмус В.Ф. Логика. - М.: Учпедгиз, 1947. С.314.

² Абдуллаева М.Н. Адекватность отражение на эмпирическом уровне. - Ташкент: Фан, 1982. С.81

³ Особенно это заметно в операционной теории интеллекта Ж.Пиаже.

⁴ См.: Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. -М.: Высшая школа, 1978. С.1967

3) предсказательную и 4) систематизирующую;¹ обеспечивая продвижение научного познания от знания фактов к теории. Суть в том, что гипотезы строятся на основе эмпирически доступных фактов, а по своему смыслу и содержанию выходят за их пределы².

В этом пункте методологический подход тесно смыкается с гносеологическим, основная сущность которого выявляется в ориентации на философский синтез результатов специальных наук о познании с тем, чтобы выразить последнее в единстве его многоразличных, исторически изменчивых форм. Рассматривая деятельность в качестве важнейшего объяснительного принципа и не упуская из виду, что прирост знания происходит тогда и там, где и когда индивидуальный или коллективный субъект сталкивается с проблемной ситуацией, гипотезу можно определить как функциональное образование в системе форм жизнедеятельности человека (коллектива, научного сообщества), феноменально представленное в акте осознания или рефлексии как вероятное – с точки зрения существующих норм – знание, выступающее рациональной предпосылкой осмысления эмпирических данных, установленных фактов и решения проблемы.

Гносеологический подход к гипотезе связывает ее функционирование в качестве гипотетического знания с феноменом оценочного отношения к реальности, в том числе социальной.

Термин «социальное познание» сравнительно новый среди гносеологических категорий. Его появление в советской философии относится к 70-м годам³ и связано с осознанием того, что необходимо было отойти от стереотипа, утвердившегося приоритета исторического материализма, который изначально отделял исследователей от изучения реально существующих политических, экономических, культурных и т.д. отношений, дистанцировал ученых от социальной практики.

В этой традиции социальное познание сходилась к выявлению уровней и форм общественного сознания и их отражательных особенностей. Противопоставление различных форм социального познания по их познавательным возможностям в рамках истматовской парадигмы приводило к разрыву между научным и оценочным подходами. За последним при этом признавалась функция не отражения объективных закономерностей, а регуляции поведения людей.⁴

В полемике по этому вопросу оказалось упущенным из вида существеннейшее обстоятельство, что объектом социального познания является

¹ См.: Баженов Л.Б. Современная научная гипотеза //Материалистическая диалектика и методы естественных наук. - М.: Наука, 1968. С.297-299.

² Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон. - Новосибирск: Наука, 1980. С.59.

³ Проблемы социального познания. -Новосибирск,1977; Проблемы познания и моделирования социальных явлений.-Томск,1979; Проблемы социального познания: философские вопросы,- Кишинев, 1981; Методологические аспекты общественного познания. -Киев, 1982; Философские вопросы социального познания Саратов, 1980; творчество и социальное познание. -М.: МГУ, 1982; Детерминация социального познания. -Л., 1983; Научные и вненаучные формы в социальном познании. -М., 1985; Бутенко И.А. Социальное познание и мир повседневности. М., 1987; проблема метода в социально-гуманитарном познании. -М., 1989 и мн.др.

⁴ См.: Стефанов Н.Общественные науки и социальная технология. -М., 1976. С.26.

мир сознательных и активных существ - конкретных людей и общностей, где «ничего не делается без сознательного намерения, без желаемой цели».¹

Между тем именно этот – индивидуальный – компонент истории создает почти непреодолимый барьер для социальных наук, которые, пытаясь зафиксировать «объективно закономерное», нередко недоучитывают субъективно неповторимое своеобразие социальной действительности, ее «человеческое измерение». Поэтому центральная проблема последовательно и всестороннего социального познания должна заключаться в том, чтобы достигнуть социальный мир не только в его объективных, но и субъективных характеристиках, не только в единстве, но и в многообразии различных форм человеческой жизнедеятельности.

Учет этого вызвал в настоящее время (сначала на Западе, а затем и у нас) смену «сциентистского» подхода к анализу социальных явлений и особенностей их познания более взвешенным, требующим не только объяснения, но и понимания развития социума в его гуманитарном содержании. Однако само «понимание» имеет до сего времени двойственную трактовку. С одной стороны, понимание – это «вычерпывание», извлечение смысла из объекта (тогда приходится ограничивать объект понимания вещами, которые этот смысл имеют), а с другой – это «приписывание» смысла объекту, его осмысление, создание его идеальной модели и т.п. Согласно последнему подходу, понимание есть выражение субъективной активности сознания, его творческих возможностей, наличия в познавательной деятельности аксиологической составляющей.² Поскольку такой подход неизбежно связан с активностью субъекта, выражающуюся в идеальном воспроизведении прежних объективно существовавших смысловых структур, то следует признать, что по способу реализации «понимание» принципиально гипотетично.

Это значит, что осуществление исторических, экономических, культурологических, этнографических и других исследований связано с выдвижением и сменой гипотез о смысле эмпирических данных в контексте попыток построения объясняющей их теоретической «модели». Иными словами, специфика социального познания заключается во "взаимодополнительности процедур объяснения и понимания, в обеспечении которых нельзя обойтись без использования гипотезы. Этим и объясняется гипотетико-дедуктивный способ построения социальных теорий.

Такое утверждение является дискуссионным в методологии социального познания. Споры идут в рамках проблемы единства мира, которое предполагает единство познания его различных сфер. В диссертации показывается несостоятельность точки зрения «автономизма» (Р.Дильтей, Г.Риккерт, Б.Кроче, Р.Коллингвуд), считающего мир истории царством свободы, сферой проявления человеческого духа, областью уникальных событий, которые не могут быть постигнуты методами науки. «Историческая мысль ..., – пишет Р.Коллингвуд, – свободна от господства естественных наук, а деятельность разума – от

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.21. С.306

² См.: Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1967. № 8.

господства природы».¹

«Онтологическое» обоснование автономизма разрушается последовательно материалистической точкой зрения, заключающейся в признании социальной, исторической действительности реальностью особого рода, в которой тем не менее действуют объективно-необходимые законы и связи, реализующиеся в деятельности людей.

Признание принципиального единства естественнонаучного и социального познания - это первый шаг на пути методологического обоснования «построения» социальной теории. Следующим шагом становится процесс выдвижения и смены гипотез, где предположения ориентированы на получение все более общих доказательных - утверждений, каждое из которых способно выступить «исходным материалом» для последующей систематизации и обобщения.

Подобный способ построения (гипотетико-дедуктивный) социальной теории отвергается феноменологической социологией, считающей его чуждым социальному познанию по семантическим соображениям. С точки зрения представителей феноменологической социологии гипотетико-дедуктивный метод оправдан для построения естественнонаучных теорий, но неприемлем для социальных, где исходные посылы формируются якобы в сфере обыденных представлений, а потому не могут быть доказательной основой познания.² В качестве примера обычно используется анализ лингвистических теорий, которые, являясь составной частью гуманитарного знания, обладают особым статусом. Однако, как показал Ван дер Вельде,³ сама лингвистика свидетельствует, что любая общественная наука не может строиться только на обобщении фактов, а предполагает широкую точку зрения на исследуемую; сферу социальной действительности.

Эта «широта» или степень общности может быть и бывает различной. Например, общесоциологические теории в своем структурном построении гораздо ближе к естественнонаучным, нежели исторические или культурологические.

Особые дискуссии вызывает определение структуры исторической теории. Например, Э.Н.Лооне утверждает, что построению собственно исторической теории предшествует конструирование "модели из абстрактных объектов", наличие которой позволяет упорядочить эмпирический материал, создает возможность формирования в лоне исторического знания теоретических структур, ядро которых составляют «историографические законы - формулировки» предвидения.

С точки зрения А.С.Уйбо, специфика исторической теории как основной формы познания прошлого заключается в том, что если естественнонаучные теории формулируются как иерархия логически связанных предложений, как «выводное» знание, то исторические - как «беспредпосылочное описание

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. - М., 1980. С.304.

² См.: Уолш Д. Социология и социальный мир. // Новые направления в социологической теории. - И., 1978.

³ Velde R., GI van de. Introduction a la methodologie stwacturale de la linguistique. - P., 1973. P.67.

действий и событий.¹ О этом можно согласиться, так как при всем различии, несколько в одном случае процесс - познания направлен на открытие законов, а во втором - на установление цепи фактов и событий, у них. есть и общее - объективный подход. Он, как это подчеркнуто в диссертации, позволяет осуществить дифференциацию социогуманитарных наук по теоретическим способам организации знания: 1) социологические, политэкономические, лингвистические и им подобные концепции, ориентированные на выявление законов функционирования и развития общества или его отдельных сфер, строятся преимущественно гипотетико-дедуктивным способом, тогда как 2) в исторических исследованиях такой подход используется лишь в той мере, в какой общие законы общественного развития принимаются в качестве предпосылок, выступая для ученого как предположения (гипотезы) при работе с конкретным эмпирическим материалом.

Однако и для исторических, и любых других социальных теорий общий процесс структурирования одинаков, проходит по сходной схеме: а) исходная идея; б) выдвижение одной или нескольких гипотез; в) стадия развернутого обоснования; г) формулировка целостной концепции, достаточное доказательное обоснование которой приводит к трансформации гипотезы в теорию. В диссертации это проиллюстрировано на примере создания К.Марксом общей теории исторического процесса, ведущей идеей которой является предположение, что "вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом".²

Общая теория исторического процесса включает в себя, как и любая теория, процедуру описания идеализированных или вовсе не существующих в реальном мире объектов, но обладающую способностью объяснять реальные. Это относится, "например, к пониманию сущности человеческой предыстории, которая никогда не может получить адекватного осознания и поэтому всегда будет оставаться гипотетичной, но ее логическая модель, основывающаяся на идее отчуждения, имеет уже не гипотетическое, а аксиоматическое основание, а значит может быть построена в соответствии с общенаучными правилами³, хотя любые фундаментальные обобщения не могут быть полностью эмпирически подтверждены. И поэтому в гносеологическом смысле они остаются гипотетическим знанием.

Во второй главе - "Прогностические функции социального закона и социальной теории", - состоящей из двух параграфов, последовательно анализируются логические характеристики социальных законов как основания прогнозирования и дается описание прогностической функции социальной науки.

В логическом плане прогноз, как это признается большинством исследователей,⁴ есть высказывание, которое выступает в качестве заключения о будущих событиях, процессах или состояниях на основе знания начальных

¹ Лооне Э.Н, Современная философия истории. – Таллинн: Эсти раамат, 1980. с.170-175.

² Уйбо А.С. Теория и историческое познание. - Таллинн: Эсти раамат, 1988. С.155.

³ См.: там же. С.25.

⁴ См. работы Бестужева-Лады И.В., Гендина А.М., Винаградова В.Г., Гончарука С.И., Рузавина Г.И. и др.

условий настоящего и соответствующих закономерностей его развития, т.е. это предположение о неизвестном, но реально возможном состоянии той или иной вещи, процесса, явления. Опора прогноза на закон науки позволяет удовлетворить двум обязательным условиям: во-первых, строго обрисовать границы возможностей, отвечающих требованиям закона; во-вторых, обеспечить прогнозированию учет не случайных и временных, а необходимых, существенных и постоянных связей между реальными объектами, развитие которых прогнозируется.

Наблюдение, эксперимент, измерение и другие эмпирические процедуры приводят лишь к единичным предположениям, знанию конкретных зависимостей». Общее знание предполагает формулировку законов. Научные законы находят выражение или в общих предположениях, состоящих из квантора общности и входящей в область его действий пропозициональной функции, или в предположениях, логически эквивалентных указанным.

В социальных науках, как показано в диссертации, условия реализации закона определить трудно ввиду многозначности используемых абстракций. Например, закон об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, которое, однако, обладает относительной самостоятельностью. В такой формулировке по сути фиксируется отсутствие четкой, однозначной зависимости и скрыто требование более полного определения того комплекса условий, при котором имеет место детерминация одних фрагментов социального целого другими. Поскольку описание этих условий никогда не бывает заверенным, сама зависимость между социальными явлениями характеризуется лишь определенной частотой появления (закон-тенденция). В законах естественных наук условия тоже часто определяются не конечной величиной, но зато они более конкретны и фиксируются в эксперименте или наблюдении.

Возможность прогнозирования опирается, в частности, на ту особенность законов естественных наук, что многие из них поддаются непосредственной статистической верификации. Иначе обстоит дело с социальными законами, многие из которых относятся к принципиально неповторимым явлениям. Более того, законы общественных наук вообще имеют более ограниченную область применения, очерченную общественными явлениями, происходящими в относительно короткое по историческим меркам время. Поэтому и общность хорошо обоснованных социальных законов значительно "меньше" общности природных. На этом основании, в частности, был провозглашен тезис, что «транскультурные» законы общественных явлений (т.е. общественные законы, значимые для разных обществ) в принципе не могут существовать. Это обусловлено тем, что законы общества, будучи законами деятельности людей, не могут быть описанием таких социальных зависимостей, в которых объективная необходимость была бы представлена в абсолютной форме, как чистая, лишенная случайных, принципиально непрогнозируемых субъективных отклонений.

Отсюда и вытекает вероятностный, усредненный характер большинства социальных законов, которые прокладывают себе дорогу через множество

отклонений в массовых явлениях. Поэтому любой закон науки выявляется не в реальных, а в идеальных системах.

Идеализация имеет большой эвристический смысл, поскольку позволяет в простой математической форме, в терминах математического ожидания, описать реальные связи, выявить их статистическую зависимость. Статистичность социальных зависимостей, фиксируемых в законах, имеет в качестве своей субстанциональной основы отношения между определенным типом личностями. Личность же характеризуется определенной типологией поведения, варьирующейся в различных социально-экономических условиях, детерминирующих общественные отношения. Поведение человека поэтому значительно сложнее, чем любая физическая система, что ставит проблему применимости математических методов в обществоведении. Математика для социолога имеет более отвлеченное значение, чем для естествоиспытателя. Поэтому есть основание говорить о специальной экономической логике, о своеобразии социального моделирования, о специфике социальной статистики, что должно учитываться в методике прогнозирования социальных процессов'. Прогностическая функция любой науки, в том числе социальной, есть один из каналов воздействия теории на реальную жизнь. Даже в математике всякая теория не только старается логически объяснить какой-то факт, но и предсказать его возможные состояния, т.е. стремится выйти за пределы своей внутренней идеальности к объекту, к реально возможному в нем. Это "усилие" направляется стремлением определить способы практического воздействия на объект познания.

Предсказательное «усилие», в отличие от объяснительного, направлено не на открытие новых законов, а на использование уже открытых для предвидения дальнейшего развития. При этом если предсказательные усилия естествознания отличаются относительно узкой практической, чаще всего технологической, направленностью, то общественные теории - социально-экономические, политические, культурологические и т.п. - в своем обратно-предсказательном воздействии на реальность направлены на изменение всей совокупности общественных отношений, т.е. всех форм жизнедеятельности людей, а не только их технологического отношения к миру.

Ответственность прогностической функции социальной теории поэтому несомненно выше, поскольку дело идет не просто об абстрактных альтернативах, а касается конкретных программ общественного устройства или его преобразования, что сразу сказывается на изменении жизни больших человеческих масс и конкретных индивидов. Поэтому можно говорить о прямой и непосредственной ответственности теории за ее практические предсказания. А само предсказание (прогноз) выступает не как безразличное к объекту известие о его возможном состоянии, но и как ценностный императив практической деятельности. Предсказательная прогностическая функция при этом приобретает регулятивный смысл, направляющий характер.

Еще недавно считалось, что прогнозирование это едва ли не центральный элемент социальных преобразований, проходящих с опорой на марксистско-ленинскую теорию. Однако сегодня достаточно убедительно выявилась

"агрессивность" этой теории, что выражалось не только в навязывании определенных (чаще всего мифологизированных) способов мышления, но и искаженной модели самой реальности. По существу прогностическая практика в бывшем Союзе сводилась к предплановой прикидочной балансировке ресурсов и показателей, т.е. превратилась в демократичный придаток директивно-административной деятельности.

В методологическом плане такой подход был несостоятельным в силу того, что предвидение будущего связано с критикой настоящего. В условиях, когда советское обществоведение пыталось оправдать и приукрасить существующий, наличный мир, трудно было рассчитывать на смелые прогностические прорывы в будущее. И главная причина этого в монополии на истину, что порождало боязнь ответственности, сдерживающую прогностические инициативы.

Фактическое "замораживание" прогностической функции общественной теории, сведение ее к интерпретации безальтернативного варианта будущего, критика допущений конвергенции - это и есть конкретное "агрессивное" воздействие социальной теории на жизнь общества.

Отмеченная "агрессивность" проявилась и в резком отделении идеализированного "научного" прогноза от исторически предшествовавших ему форм социального предвидения, прежде всего от утопии. Утопия в мифологизированном марксистском миропонимании стала синонимом наивного, фантастического, к ней преобладало снисходительное отношение. Перестроечная волна смыла многие стереотипы и предрассудки в научном и обыденном сознании. Но неприятие утопии как формы взгляда в будущее, напротив, еще больше усилилось, именно в утопичности теории марксизма стали видеть причину многих промахов и деформаций в обществе. Все общественное застойного периода объявляется утопическим и в преодолении утопичности видится позитивный выход из теоретического заблуждения.

В принципе методологические основы утопии как донаучной формы прогноза мало состоятельны. Для нее характерен упор на обрисование желаемых целей за счет ухода от анализа реальных средств их достижения, заменяемых "доминирующим желанием". Критикуя подобную позицию, необходимо иметь в виду, что предвидение будущего не столько аналитическая, сколько синтетическая деятельность. Теория строит будущее из "кирпичиков" анализа настоящего, подобно тому, как реально возможное, но еще не действительное будущее создается как из необходимых, так и случайных обстоятельств бытия. При прогнозе социального процесса приходится учитывать не только рациональные факторы, поддающиеся аналитической обработке, но и ценностно-эмоциональные, т.е. синтетическая деятельность по предвидению будущего не может быть оцениваема только на основе аналитических критериев научной рациональности.

Основанием сближения прогностической сущности теории и утопии является разрушительная критическая сила последней. П.Рикер писал, что "утопия отрицает существующий порядок вещей, и только тогда, когда она отрицает этот порядок, она является собственно утопией. Критическое

отношение к действительности - "закон утопического негативизма" - свидетельство нарастания социальных коллизий, и утопия оказывается направленной на поиск путей их преодоления. Именно такой критичности не хватало сталинско-брежневскому официозу. Поэтому это была не утопия, для него более характерным являлся узкий горизонт предполагаемого будущего. Его преодоление связывается с целым рядом факторов, среди которых весьма популярным стала альтернативность, которая снижает "агрессивность" воздействия задаваемой картины будущего на человека, на его бытие.

Важное обстоятельство преодоления возможного негативного воздействия теоретических прогнозов на жизнь общества видится в расширении круга традиционных методологических средств прогностики. В частности, более основательно должна учитываться субъективная проекция будущего.

Нуждается в большей гибкости и методологический "каркас" теории. Когда "научно выверенный идеал" противопоставляется утопическому "произвольному конструированию будущего", то лишь на первый взгляд это противопоставление выглядит достаточно обоснованным. Например, до сих пор доминирующим подходом к прогнозированию исторического прогресса является формационный, согласно которому развитие производительных сил определяет изменение всех общественных отношений. Однако развитие общества происходит не только по формационным законам. Поэтому преодоление этой "узости" теории возможно на пути использования "цивилизационного" подхода, который позволяет проследить инвариантность исторических типов общества, так как он исследует общие закономерности функционирования, свойственные различным по формационной принадлежности обществам.

Таким образом, неизбежная "узость", которую привносит в общественную жизнь социальная теория либо путем навязывания человеку определенного видения будущего, либо принципов подхода к этому видению, может и должна быть преодолена за счет самой теории, активизации ее внутренних методологических средств и потенций. Более того, методологическая перегруппировка и перенацеленность теории может, как это показано в диссертации, способствовать повышению степени свободы человека за счет предложения ему различных альтернатив грядущего, которое он сам может дополнять или наполнять своим самостоятельным жизненным содержанием. Это и выступает способом преодоления комплекса утопизма, который вытесняется действительной актуализацией прогностической функции социальной теории.

В третьей главе - "Гносеологический анализ социального прогнозирования" - состоящей из трех параграфов, дается анализ методики современного социального прогноза, проводится гносеологическое сравнение прогноза и утопии, выявляются критерии истинности социального прогнозирования.

Как в теоретическом поиске, так и в практике социальных преобразований интерес к проблеме прогноза резко возрос с середины 50-х

годов и с тех пор не теряет актуальности. Особенно это заметно в "борьбе идей" в футурологии.¹ Нужно самокритично признать, что в этой "борьбе" со стороны отечественной прогностики было больше деклараций, чем успехов в осуществлении многочисленных проектов и программ, большая часть которых оказалась опровергнутой реальным ходом событий. И одной из причин этого является неразработанность философских, особенно гносеологических, вопросов социального прогнозирования.

Если при логико-методологическом подходе прогноз понимается как высказывание о неизвестном ранее, но реально возможном положении вещей, которое (высказывание) выводится с опорой на следствия объективных законов, то гносеологический подход к закону существенно увеличивает и расширяет объем данной процедуры.

Поскольку гносеология как философская теория рассматривает процесс познания исторически и во взаимодействии всех уровней и форм, в единстве отражательных, ценностных и деятельных аспектов, то прогностическая функция выявляет себя как атрибутивная черта любого вида человеческой жизнедеятельности. Континуальность, длительность деятельности каждого индивида и многотысячелетняя цивилизационная преемственность деятельности всего человечества породили множество всеобщих для человека механизмов, способов, методов, приемов познания, особенностей ориентации и мотивации, суть которых - в предвосхищающем учете будущего.²

Нацеленность на будущее выступает основой активной жизненной позиции, важным компонентом преобразовательных усилия. И можно согласиться с утверждением, что "родовым признаком всякого научного познания является его способность к прогнозированию в своей области. Отрицание этой способности равнозначно отрицанию научности. Но способность эта реализуется в различных науках неодинаково.³ Например, уже в сфере естественно-научного предсказания следует различать "предсказания открытия явлений, существующих в данный момент и предсказания явлений, существование которых целиком относится к будущему.⁴ Аналогичная ситуация существует и в исторической науке, где возможны открытия новых фактов или событий, но они уже имели место в прошлом, вновь совершающиеся события там невозможны.

Однако не подлежит сомнению, что и истории, как любой науке, приходится выполнять задачу научного прогнозирования давать информацию о возможных направлениях развивающегося объекта познания, о степени их вероятности при естественном ходе развития. Научное прогнозирование, заранее предупреждая о возможных нежелательных последствиях развития объекта сегодня (засорение окружающей среды, истощение водных ресурсов, энергозапасов), может служить основой для принятия мер предупреждению и

¹ См.: Наука и будущее. Борьба идей. – М., 1990.

² Это может быть целеполагание, сознание «общей идеи», проект «будущего поступка», жизненный план личности, технический или социальный проект, программа и т.п.

³ Могильницкий В.Г. О природе исторического познания. – Томск; 1978. С.202-203.

⁴ Ракилов А.И. Историческое познание. Системно – гносеологический подход. – М., 1982. С.283.

нейтрализации будущих негативных процессов не только в природе, но и в обществе.

Прогноз как предвидение может осуществляться как в научной, так и во вненаучной форме (хотя и в рациональной - астрология, хиромантия и т.п.). Здесь перед методологией социального познания во весь рост встает проблема поиска их сходства и различия, решение которой связано с положительным ответом на более общий вопрос: о принципиальной возможности научного предсказания будущих путей исторического развития.

К.Поппер в книге "Нищета историцизма" выдвинул мысль что историческое предвидение - главная цель социальной науки и она "может быть достигнута путем раскрытия "ритмов" или моделей", "законов" или "тенденций", лежащих в основе эволюции истории.¹

Но поскольку общество, по К.Попперу, нельзя рассматривать как системное целое, а формы его развития неповторимы, в нем нет неизменных и вечных связей, то его законы условны, поэтому и долгосрочные предсказания здесь обладают малой степенью вероятности. Это будут "необусловленные исторически пророчества".² В этом случае предвидение и прогнозирование утрачивают статус отражения и тем самым подлинного научного знания, им отказывается в гносеологических характеристиках истинности или ложности, они рассматриваются как чисто инструментальные средства манипулирования будущим, "изобретение" будущего в интересах субъекта.

Объективно-действенные теоретические предпосылки социального прогнозирования заключаются в принципах диалектико-материалистического детерминизма, раскрывающего взаимосвязь и преемственность в системе "прошлое-настоящее-будущее", что дает возможность понять субстанциональную природу предстоящего социального. Будущее при этом представляется как совокупность реальных возможностей, разворачивающихся исторических тенденций, являющихся результатом и проявлением объективных общественных законов, а также зарождающихся в настоящем в процессе человеческой деятельности ростков нового, возникающих потребностей, обостряющихся противоречий и встающих проблем, требующих практического решения и теоретического осмысления.

В свете этого социальное прогнозирование всегда связано с выявлением сроков, фаз и периодов протекания общественных процессов. Поэтому прогностика по своему содержанию, с одной стороны, включает прикладную область, непосредственно связанную с частными отраслями знания (статистика, например), с практическим использованием их данных, на основе которых разрабатываются общие и особые методики и приемы прогностических исследований. С другой стороны, она поднимается до широких методологических обобщений, оперирует философскими категориями, а вторгаясь в социальную сферу, принимает во внимание своеобразие закономерностей, которые не могут быть абстрагированы от сознательной деятельности людей.

В этом заключена специфика прогностической функции обществознания,

¹ Popper K. The Poverty of Historism. – London, 1961. P.3.3.

² Popper K. Conjectures and Refutations. – L., 1963. P.339.

которая принципиально несводима к получению информации о будущем. Поскольку социальные процессы включает в себя момент сознания, то это требует учета влияния прямой и обратной связи между прогнозом и общественным сознанием, связи, наличие которой определяет появление характерного для социального прогнозирования "эффекта Эдипа": "самоосуществления" или "саморазрушения" предсказаний. В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, очевидно, что дальнейший прогресс, само существование человеческой цивилизации невозможны без научного обеспечения, выработки социальных технологий, надежного прогнозирования глобальных последствий деятельности человека. А с другой - во многих регионах планеты наблюдается явная неготовность политики и общественного сознания жить и действовать по научно разработанным планам. Многие страны и народы предпочитают и продолжают жить, ориентируясь не на научную картину мира, а на "здравый смысл", который, по меткому замечанию, есть не что иное, как "совокупность предрассудков своей эпохи". Об этом свидетельствует факт отождествления реалистических и утопических проектов социальных преобразований.

Прежде всего это связано с многоаспектным употреблением самого термина "утопия". Поскольку нет строго фиксированного его значения, то каждый исследователь и публицист вкладывают в него свое содержание, используют как метафору, употребляют в различном смысле. Одни видят в утопии извечную, никогда не достижимую мечту человека о "золотом веке", другие, напротив, истолковывают ее в качестве реального принципа, который осуществляется с каждым новым шагом духовного и практического развития человечества. Некоторые усматривают в ней донаучную форму мышления, нечто среднее между религией и наукой, другие связывают ее с развитием современного научного знания, проникающего все глубже в объективную реальность. Кое-кто утверждает, что утопия "мертва", т.е. полностью изжита развитием истории, а другие доказывают, что она не просто широко распространена, а все больше возрождается, наступает период утопического сознания.¹

При всем многообразии смысловых оттенков основная функция утопии сводится к тому, чтобы обозначать желаемое будущее, призванное служить образцом общественного устройства. Например, В.Хорос прямо пишет, что "утопия - социальный проект идеального будущего", его характерная черта "нереалистичность", принципиальная неосуществимость.² В диссертации показано, что этот признак является недостаточным для определения утопии в качестве социального феномена. История общественной мысли дает немало примеров, свидетельствующих о "практичности" доктрин, которые расценивались как утопические. Поэтому некоторые авторы склонны усматривать сущность утопии в предвосхищении. Однако наиболее приемлемой представляется точка зрения, которая связывает утопию с

¹ См.: Хорос В. Утопия. Опыт словаря нового мышления. - М., 1989. С.242-244,

² См.: Хорос В. Утопия. Опыт словаря нового мышления. - М., 1989. С.242-244,

общественным идеалом. «Утопия, - писал еще в начале века А.Свентоховский, как идеал общественных отношений представляет собой наиболее всеобщий элемент в духовном мире».¹ Конечно, только соотнесение с идеалом требует корректировки и многие усматривают основной признак утопии в высокой степени трансцендированности идеала от реально существующего общества, в радикализме идеала.² Перечисление точек зрения на утопию можно продолжить, но важнее конкретнее провести различие между утопией и научным прогнозом.

Прежде всего, их различает - целевая ориентация. Прогноз имеет цель определить круг реальных возможностей общества. Утопия рисует образ желаемого будущего, т.е. имеет ценностно-ориентирующую форму. Хотя прогноз и утопия осуществляются "сценарным" способом, но в прогнозе обычно представляется несколько вариантов, а в утопии - только один. Прогноз редко включает в себя критику существующей реальности, он опирается не на нее, а на вскрытые законы ее изменения, в утопии же критика существующего - существенный элемент.

Одновременно утопия, отбрасывая веру в существующие порядки, продуцирует новую веру, оказываясь связанной с нарождающейся идеологией, что и обуславливает акцентирование "доминирующего желания". Отмеченное позволяет утверждать, что утопия демонстрирует менее глубокий уровень проникновения в будущее.

Но это не основание для третирования утопии. Она вполне может выполнять подсобную роль, поскольку в своей идеализации будущего утопия, предполагая; выход за пределы наличного комплекс ценностей, совпадает с поиском новых ценностей, с требованием их реализации, с их воссозданием. И в этом своем качестве утопия вполне вписывается в прогностическую культуру. Однако пока некоторое неразличение принципиальных отличий между утопией и научным прогнозом порождает недоверие и к нему. Немалую роль в этом играет сложность выработки критериев истинности многостического знания. Сложность заключается в том, что прогностическая реальность - будущее состояние объекта - лишь предполагается, а всякая научная истина есть точное знание о свершившихся фактах. Проблема в том, чтобы найти основания истинности знания еще до практического осуществления событий, т.е. в настоящем.

Есть такая модель решения данной проблемы: прогностическое знание истинно, если оно соответствует причинно-обуславливающим будущее социальным законам и конкретно-определяемым ими тенденциям социального прогресса.³ Значит, достоверность прогноза определяется истинностью теории, на которую опирается прогнозист. Если оставаться на точке зрения ортодоксального марксизма (истина есть соответствие знания объективной реальности), где критерием истины выступает ее практическое подтверждение, то

¹ Свентоховский А. История утопий. - М., 1910. С.5.

² См.: Фойгт А. Социальные утопии. - СПб, 1906.С.11.

³ См.: Винаградов В.Г., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. -М., 1972; Методологические проблемы социального прогнозирования. -Л., 1975.

применительно к социальной реальности будет необходимо сделать ряд дополнений и уточнений. Прежде всего, здесь экспериментальное подтверждение невозможно по методологическим соображениям - из-за ограниченной воспроизводимости социального эксперимента.

В условиях постоянного дефицита времени, средств и возможностей для проверки следствий, вытекающих из общей социальной концепции, в ситуации невозможности глобальной (а не локальной) общецивилизационной практики, которая одна могла бы определить меру истинности выводов, необходимой гарантией истинности и научности общей концепции становится ее "внутреннее совершенство", т.е. логичность, непротиворечивость, строгость аргументированность и необходимая связь ее компонентов или частей, их соответствие изначально данной в философской онтологии теоретической картине мира и общепринятым эталонам научности. Можно согласиться с мнением, что отмеченное относится ко всем "всеохватывающим" концепциям наук социогуманитарного цикла, т.к. они принципиально не точны полностью не проверяемы классическим способом.

Если даже предположить, что имеется теория, в которой достаточно полно было бы получено знание о всех тенденциях развития современности, то и тогда с однозначной определенностью утверждать истинность какого-либо конкретного прогноза было бы слишком смело: тенденции действительности часто противоречивы, разнонаправлены, асинхронны. Они могут "гасить" или усиливать друг друга, изменяться под воздействием случайных факторов. Значит правильное отражение законов и тенденций еще недостаточное свидетельство истинности прогностического знания.

Недостаточность этого критерия особенно ощущается в кризисные периоды общественного развития, с приближением к критическим бифуркационным точкам, в которых основные тенденции "ломаются", и выбор того или иного варианта развития объективно случаен.

К этому нужно добавить, что в обществознании упор только на объективную проекцию истины недостаточен. В истории действуют люди, наделенные сознанием и волей, стремящиеся к реализации субъективных целей, руководствующиеся не только научными, но и ценностными установками, что подлежит учету в прогностических выкладках. И следует согласиться с утверждением, что "включение субъективной "проекции" в концептуальную схему прогнозирования повышает уровень ее объективности и, тем самым, степень истинности познания грядущего".¹ Учет субъективной "проекции" особенно необходим в связи с той ролью, которую играет в жизни общества "эффект Эдипа".

Главной чертой "эффекта Эдипа" выступает воздействие прогностического знания на практическую деятельность конкретного субъекта в настоящем. И критерий истинности прогноза должен учитывать эту возможность. Конечной границей таких изменений

¹ Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества. – Кросногорск. -1979. С.336.

выступает совокупность общечеловеческих нравственных ценностей, которые способны преодолеть субъективный релятивизм.

Итак, истинность прогностического знания детерминирована двумя рядами обстоятельств: во-первых, правильным отражением тенденций, учетом условий их возможного закономерного изменения или сохранения; во-вторых, соответствием делаемых на основе прогностического знания конкретных практических рекомендаций общечеловеческим моральным ценностям. Оценки, производимые с учетом этих двух рядов обстоятельств, могут оказаться противоречивыми, и в этом главная сложность установления истинности социального прогноза. Значит истинность прогноза - это постоянно изменяемая и корректируемая "величина": в той мере, в какой практические субъективные усилия будут влиять на ситуацию, будет меняться и объективная оценка ситуации. Истина и здесь будет отличаться историчностью и конкретностью.

Признание двуединого подхода к оценке истинности прогноза - условие преодоления "агрессивности" социальной теории. Возможность неоднозначной оценки общественного прогноза теории раскрывает перед человеком различные альтернативы и дает основание для самостоятельного выбора жизненного пути. Примат же только объективного подхода заведомо подчиняет человека необходимости смириться с содержащимся в прогнозе вероятностным знанием как с неизбежностью, ограничивающей свободу человека.

Четвертая глава - "Прогнозирование в социальной практике".

- состоящая из четырех параграфов, посвящена вскрытию прогностикой основных тенденций современного социального прогресса, выявлению основных черт новой стратегии социального прогнозирования, показу содержания научной оценки надежности социальных прогнозов и выявлению прогностических альтернатив социально-экономического развития независимого Узбекистана в условиях суверенитета и утверждения рыночных отношений.

Заметной особенностью переживаемого исторического момента является своеобразное "раздвоение" временных пластов общественного сознания. В то время как прошлое приобретает все более отчетливые контуры, будущее становится все менее определенным.

Конец XX века ознаменовался фундаментальным сдвигом в осуществлении всемирной истории, которая демонстрирует интенцию к реализации общественного прогресса за счет эволюционных форм преобразования современных обществ, модернизации и реформации. Революционный путь потерял свой приоритет. В частности, это произошло из-за "пересечения" формационных и общецивилизационных закономерностей социальных преобразований. Учет этого обстоятельства - первый и необходимый шаг на пути перехода от концептуальных оснований традиционной (сформировавшейся в 50-60-е гг.) прогностики к выработке новой стратегии социального прогнозирования.

Трудность такого шага обусловлена тем, что "ближайшая история" еще не завершена, она еще "длится". И потому нет полной уверенности, что

известные ныне ее характерные черты, противоречия, тенденции не трансформируются и не дополняются новыми. В диссертации проведен анализ основных контуров глобальных изменений в развитии всемирно-исторического процесса и их влияния на модернизацию существа, с учетом таких феноменов, как "мегатенденция", "футурологическая реальность". Поскольку они еще недостаточно используются отечественной прогностикой, потребовалось специальное обращение к признанным западным авторитетам (Д.Белл, З.Бжезинский, Г.Канн и особенно Дж.Нэсбит), связывающим будущее не только западных стран, но и всего человечества, с вступлением в "информационную эру", в которой происходит переименование "микро", "макро" и "мега" тенденций развития человечества.

Для построения прогнозов поступательного движения западных социумов Дж.Нэсбит, например, подверг анализу 2 млн.статей американской прессы за последние 10 лет, наблюдая появление в ней определенной социальной проблематики. Это послужило эмпирической базой определения тенденций качественных общественных изменений. И прогнозирование у него сводится именно к определению тенденций развития. Любые попытки детальной количественной характеристики будущего обречены на опровержение реальным ходом событий. Сам Дж.Нэсбит сформулировал десять мегатенденций развития мира на 90-е-2000-е годы ¹, решающей из которых он считает "расширение понимания того, что означает быть человеком"².

Мегатенденции человеческой истории - эмпирически фиксируемый факт. Наряду с доминированием модернизации в качестве основного способа осуществления общественного прогресса, ростом единства и единообразия всемирной истории, выражающихся в интернационализации, унификации форм и стилей жизни, интеграции, становлении единого экономического и, < политико-правового международного пространства, одновременно наблюдается и увеличение, умножение разнообразия, распространение политического, социально-экономического и идеологического плюрализма. Чтобы построить прогноз при таких условиях, приходится допускать много упрощений, на что Дж.Нэсбит, например, прямо указывает, формулируя понятие "футурологической реальности". Его содержанием является новый способ познания будущего, появление на горизонте исторической действительности особой зоны, где будущее уже проявляет себя в настоящем в виде деятельности масс людей и ее итогов в виде проектов, предположений, предостережений, программ.

Признание появления новой реальности – футурологической требует перестройки прогностической деятельности, выработки ее новой стратегии, методологических подходов, особенно необходимых в бывшем Союзе, где прогностика долгое время игнорировалась. Это происходило, в частности, потому, что одной из фундаментальных характеристик того общества являлось глубинное противоречие между властью и иными субъектами социального действия, между государством и обществом. Это противоречие создавало воз-

¹ Naisbitt J. Megatrends: Ten new Directions Transforming our Lives. N.-Y.: Warner Books. 1982.

² Naisbitt J.... Aburdene P. Megatrends 2000: Ten new Directions for the 1990 s. – N-Y.: William Morrow. 1990. P.15.

мощность власти непредсказуемо прерывать "нормальный" ход социального процесса, осуществляя бесконечные акты насилия над естественным порядком общественных изменений. Можно ли было в таких условиях ожидать эффективности прогнозирования?

Невозможно это и сегодня, поскольку социальные преобразования столь стремительны, что просто не успевают вписаться в достаточно устойчивый вектор исторического изменения, хотя его генеральная направленность ясна - переход от общества тоталитарного к гражданскому, демократическому. В ходе цивилизационных изменений возникло гигантское "поле" социальной борьбы старых и новых субъектов. И принципиальная непредсказуемость стремительно изменяющихся ситуаций может быть либо доказана, либо опровергнута одним и только одним способом: выявлением и теоретически надежным определением реальных возможностей тех субъектов социальной активности, чьи потребности и интересы, чьи политические стремления и способность к результативным действиям могут обеспечить осуществление в постперестроечном обществе реализацию глобальных тенденций общественного прогресса. Выделение таких субъектов, сложно, ибо старые социальные группировки и слои нивелируются, а новые переживают процесс консолидации. И, тем не менее, важным моментом новой стратегии социального прогнозирования становится теоретическая ориентация не вызревающие в процессе обновления социальные силы, учет степени целеустремленности и жизнестойкости ведущих, наиболее результативно действующих социальных субъектов (личностей, партий, движений).

Еще одним фактором, приобретающим заметное значение в прогностике, выступает заметное ускорение социально-политических процессов, происходящих параллельно с медленными эволюционными "ритмами", в условиях сохранения практически неизменных "исторических структур". И это "медленное время" для прогностики существенно, поскольку реальное будущее состоит не только из того, что "произойдет" и изменится, но и из того, что сохранится неизменным, будет продолжать существование в прежней или малоизмененной форме. Это обстоятельство особенно важно для прогнозов развития так называемых "догоняющих" стран, как бывший Союз, или Узбекистан, где модернизация осуществляется в специфических условиях и особым образом, что больше всего проявляется в размахе деструктивных процессов. И это тоже диктует необходимость выработки новой стратегии прогнозирования, учитывающей "тенденции контекста", т.е. того обстоятельства, что любое конкретное общество по-своему "погружено" в общие глобальные процессы. Значит, такая стратегия оказывается связанной с диалектикой общего и особенного в историческом процессе.

Особенностью новой стратегии прогнозирования является обязательное предворение ретроспективным анализом исторических тенденций и длительностей, анализом, не терпящим "белых пятен" "и замалчиваний, ибо они не позволяют реализовать прогноз в конкретном проекте деятельности.

Выполнение любой научно объективной оценки - задача крайне трудная, так как всегда возникают сложности с определением ее критерия. Чаще всего

оценка производится на основе сопоставления наличного с неким стандартом, условно идеальным образцом. Эта процедура особенно затруднена при оценке социального прогноза, поскольку "образца" выполнения прогноза принципиально не может быть в момент оценивания. В этом случае реалистичность прогнозирования определяется фундаментальностью его аналитической части, включающей: а) выделение объекта исследования и б) определение направления и движущих сил изменения в настоящих условиях. Существенную роль в этом выполняют социально-философская и социологическая концепция, под воздействием которых производится сбор, интерпретация, обобщение эмпирического материала, из которого затем моделируется представление о динамике объекта. В случае социального прогнозирования особое внимание обращается на учет содействующих реализации сил и препятствующих ему. В диссертации это показано на примере реалистичности некоторых конкретных прогнозов и проектов, относившихся к судьбе обновления в бывшем Союзе.

Например, можно признать осуществившимся прогноз, составленный Зб. Бжезинским на основе объективных данных о состоянии советского общества 60-70 гг. и широкомасштабного ретроспективного анализа, позволившего связать единой логической цепью разорванные во времени события русской и советской истории. Подтвердился главный смысл прогноза: в тоталитарном обществе идеология и политическая система имеют первенство перед экономикой, а потому любая перестройка возможна только "сверху", что и произошло фактически.

Такому же анализу и оценке подвергнуты прогнозы А.Зиновьева¹, А.Янова,² И.Клямкина³ и Г.Попова.⁴ Каждый из них более-менее точно охватывал проявлявшиеся в жизни бывшего Союза тенденции развития и раскрывал возможные альтернативы перемен. Однако реальный процесс оказался значительно богаче, разнообразней и оригинальней предсказаний, что еще раз подтвердило, что прогноз тем реалистичнее, чем большее "поле возможностей" он охватывает и точнее нацелен на реального исполнителя.

Переход к новой стратегии прогностики не является достоянием только представителей западной футурологии. В самостоятельных республиках бывшего Союза проблема выбора пути и модели дальнейшего развития, в первую очередь социально-экономического, представляет первостепенную задачу.⁵ А ее решение невозможно без социального прогноза, его новой стратегии.

Ее существенной особенностью является обращение не столько к объекту гипотетического исследования, сколько к способу самой разработки социального проекта, методологии его построения. В ней главное - алгоритмизм, т.е. на место распространенного и достигшего своей завершенности в утопии способа

¹ См.: Зиновьев А. Горбачевизм. – «Из глубин». М., 1989.

² См.: Янов А. Русская идея и 200-й год. – Liberty Publishing House. – N.Y., 1998.

³ См.: Клямкин И. Трудный спуск с зияющих высот. Опыт политического дневника. Май 1989 – июнь 1990. – М., 1990.

⁴ См.: Попов Г.Х. что делать? О стратегии и практике демократических сил на современном этапе. – М., 1991.

⁵ Правда Востока. 1992. 7 мая. Р. Сафаров. Какое будущее мы обречем? Ильхамов А.А. Перспективы Узбекистана: опыт концептуального моделирования // Народ и демократия. 1992. №№ 2,3,4.

формулировки произвольных прогнозных суждений, - "угадывания" - предписывается довольно жесткий и строгий порядок гносеологических операций, "сухой" стиль изложения, четкая система предписаний - как и в какой последовательности получить результат, определяемый конкретными исходными данными, причем результат намного более сложный, чем интуитивные догадки. Но именно такой результат и может стать "путеводной звездой" научного управления развитием социальных процессов, например, перестройкой отношений собственности, переходом к плюрализму идеологических форм, разнообразием политических объединений и движений. Важно не угадывание деталей и конкретики, а повышение уровня объективности.

В качестве иллюстрации подобного подхода в диссертации прослеживаются преобразования экономики и политико-государственных институтов Республики Узбекистан. Цель их прогнозирования однозначна - облегчить переход к рынку. Но в определении путей к нему такой однозначности нет. В методологическом плане выход видится в применении двух исследовательских технологий. Первая предлагает условную экстраполяцию в будущее наблюдаемых тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем хорошо известны (поисковый или эксплорантный прогноз). Результат такой экстраполяции - нахождение назревающих или неизвестных ранее проблем, подлежащих решению средствами управления. Вторая состоит в определении путей решения проблем, выявленных прогнозным поиском, в достижении конкретной, чаще всего первичной цели, некоего оптимума по заранее заданным критериям целеполагания (нормативный прогноз).

При таком порядке процедуры прогноза он становится действительно особого рода научным исследованием со всеми обязательными требованиями -. от разработки программы до верификации результатов. В прогнозировании экономического развития Узбекистана - это учет необходимости сохранения артерий социально-хозяйственного механизма, оставшихся от Союза, и обеспечение сегодняшних самостоятельных задач.

Эти задачи и реализуются в программных моделях экономического и социального развития, которые предусматривают приоритетные ориентиры, достижение которых с опорой на природные и человеческие ресурсы, опыт не только свой, но и сопредельных стран и народов, национальные и исторические традиции с учетом приоритета общечеловеческих ценностей, способно вывести Узбекистан на столбовую дорожку мировой цивилизации.

В заключении содержатся теоретические обобщения и выводы, на основе которых сформулированы рекомендации по совершенствованию логико-методологических принципов социального прогнозирования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях, автора:

1. Условия состоятельности выдвигаемой научной гипотезы // Тезисы докладов второй Всесоюзной научно-теоретической конференции "Диалектика и современное научное познание". - Ташкент: Фан, 1984. - 0,4 п.л.

2. Научная гипотеза в системе познания проблем развитого социализма // Тезисы докладов конференций молодых ученых и специалистов "Молодежь и развитой социализм". Ч.П. - Ташкент: Ёш гвардия, 1984. - 0,2 п.л.

3. Гипотеза как форма развития научного познания // Тезисы докладов юбилейной научной конференции молодых ученых и специалистов, посвященной 60-летию Ленинского комсомола Узбекистана. - Ташкент: Ёш гвардия, 1985. - 0,2 п.л.

4. Роль гипотезы и теории в формировании марксистско-ленинского мировоззрения молодежи // Тезисы докладов республиканской научно-теоретической школы молодых ученых и специалистов "Актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи". - Ташкент: Ёш гвардия, 1986. - 0,2 п.л.

5. Значение гипотезы и теории в формировании коммунистического мировоззрения школьников // Тезисы республиканской научно-практической конференции "Усиление мировоззренческой направленности преподавания основ наук в общеобразовательной и профессиональной школе в свете решений XXУП съезда КПСС". - Ташкент: ТГПИ, 1986. - 0,2 п.л.

6. Диалектическая взаимосвязь гипотезы, закона и теории Тезисы докладов III Всесоюзной научно-теоретической конференции "Диалектика и современное научное познание". - Ташкент: Фан, 1987. - 0,4 п.л.

7. Взаимосвязь гипотезы и предвидения в социальном познании // Тезисы докладов III Всесоюзной научно-теоретической конференции "Диалектика и современное научное познание". - Ташкент: Фан, 1987 (в соавт.). - 0,2 п.л.

8. Научная гипотеза как форма познания объекта // Сборник научных статей ТГПИ им. Низами "Диалектика субъекта и объекта в научном познании". - Ташкент: ТГПИ, 1987 (в соавт.). - 0,8 п.л.

9. Формирование социально-политической активности студенческой молодежи. - Ташкент: ТашГУ, 1988. (в соавт.). - 1,5 п.л.

10. Композиция научно-популярной лекции (на узб. языке). - Ташкент: Знание, 1989. - 1,5 п.л.

11. Научная гипотеза в системе исторического познания // Сборник научных трудов ТГПИ им. Низами "Диалектика исторического процесса". - Ташкент: ТГПИ, 1989 (в соавт.). - 0,8 п.л.

12. Некоторые вопросы познания диалектических противоречий // Материалы научно-теоретической конференции "Диалектические противоречия в общественном развитии и пути их разрешения". - Ташкент: Фан, 1990. - 0,3 п.л.

13. Современный лектор: пути его формирования. - 4.1,2. - Ташкент: Знание, 1989 (в соавт.). - 16 п.л.

14. Проблема человека в философии (на узб. языке). - Ташкент: ТИИИМСХ, 1991 (в соавт.). - 1,5 п.л.

15. Гипотеза в структуре социального познания. - Ташкент: ТашГУ, 1991. - 1,3 п.л.

16. Принцип материального единства мира и его мировоззренческое значение // Сборник научных трудов ТГПИ им. Низами "Миро- 40 -

Ташкент: ТГПИ, 1991 воззренческое воспитание личности (в соавт.). - I п.л.

17. Гносеологический анализ социального прогнозирования. Ташкент: ТашГУ, 1991 (в соавт.). - I п.л.

18. Гипотеза и прогноз в структуре социального, познания //Тезисы Всесоюзной научной конференции "Философия. Социальное познание. Социальное управление". - М., 1991. - 0,2 п.л.

19. Философские проблемы социального прогноза //Тезисы В Всесоюзной научной конференции "Философия. Социальное познание. Социальное управление". - М., 1991 (в соавт.). - 0s2 п.л.

20. Гипотеза и прогноз в социальном познании. - Ташкент: Узбекистан 1991. - 8,89 п.л.

21. Гипотеза и прогноз как форма развития науки //Тезисы Всесоюзной научно-практической конференции "Научный прогресс и новое мышление". - Ташкент: ТашГУ, 1991 (в соавт.). - 0,3п.л.

22. Социальная утопия и научный прогноз: сходство и критерии отличия // Тезисы Всесоюзной научно-практической конференции "Научный прогресс и мышление". - Ташкент: ТашГУ, 1991.- 0,2 п.л.

23. Проблема истины в социальных науках. - Ташкент: ТашГУ, 1992. (в соавт.). - 1,5 п.л.

24. Прогнозирование в социальной практике // Ташкент: Билим, 1992. - 2 п.л.

25. Проблема объяснения в историческом познании. - Ташкент: ТашГУ, 1992. - 1,7 п.л.,

26. Социальная теория и прогноз. - Ташкент: Билим, 1992.- 1,5 п.л.

27. Прогностические функции социального закона. - Ташкент: ТашГУ, 1992. - 3 п.л.

Сдано в производство 30.03.93г. формат бумаги 60x84. I/16
усл.п.л.2 Тираж 12 0 экз., Заказ № 1076

Картфарика института «Узгипрозом» г.Ташкент,ул.Мукими.182